

КАМЕНЬ,
НОЖНИЦЫ,
БУМАГА

Унес Гарланд

Серия
Встречное
движение

Inés Garland

Piedra, papel o tijera

Alfaguara

Инес Гарланд

Камень, ножницы, бумага

Перевод с испанского
Елены Горбовой

Москва
Самокат

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Серия «Встречное движение»

Для старшего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года
маркируется знаком **16+***

24 марта 1976 года жизнь в Аргентине в одночасье перевернулась: военная хунта захватила власть и установила в стране жесткую диктатуру. Не все хотели подчиняться новому режиму, и в первую очередь — аргентинская молодежь, подростки. Именно с ними — несогласными и непокорными — военные беспощадно расправлялись: похищали, изощренно пытали в тайных тюрьмах, насиловали, зверски убивали. Крали новорожденных детей заключенных и отдавали в приемные семьи военных — убийц их родителей, — где они росли, всю жизнь не зная правды о своем происхождении.

Инес Гарланд было шестнадцать, когда в Аргентине случился военный переворот. Как и главная героиня книги Альма, девочка из семьи среднего класса, Инес даже не подозревала о том, что творится в стране, а ее родители и окружение поддерживали новую власть.

Уже будучи взрослой Инес Гарланд переосмыслила всё случившееся и заново открыла эту темную главу истории Аргентины, чтобы никогда не забывать о жертвах диктатуры.

Роман «Камень, ножницы, бумага» получил премию Аргентинской ассоциации детской и юношеской литературы (ALIJ) как лучший подростковый роман 2009 года и переведен на немецкий, итальянский, французский и голландский языки.

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© Inés Garland, 2009

Translation rights arranged by Agencia Literaria CBQ S.L.
info@agencialiterariacbq.com

© Горбова Е.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО

«Издательский дом «Самокат», 2020

**ISBN 978-5-
00167-158-9**

Абрили и ее папе

Часть первая

В тот день, когда я познакомилась с Кармен и Марито, сад на острове к рассвету затопило. Величавые деревья, казалось, плыли над водой, а соседские дома за рекой походили на морских чудовищ, застывших на своих длинных лапах. На цыпочках, чтобы не разбудить родителей, я вышла на террасу. Хотела успеть сбегать в сад — поиграть, пока они не увидели, что вода поднялась, ведь потопа нравились мне одной. Что касается родителей, то они сразу же тащили мебель и холодильник куда повыше и объявляли, что нам нужно возвращаться в Буэнос-Айрес. Под воду ушли пять из десяти ступеней ведущей к входной двери лестницы. Я прикинула, какой может быть глубина: точно выше колена. Самый тот уровень, чтобы порезвиться в дальней части сада, среди мандариновых и кумкватовых деревьев, куда взрослые если и наведывались, то исключительно зимой, в воскресенье под вечер, с целью набрать корзину фруктов перед отъездом в город. Я перемещалась в воде широкими шагами, размахивая руками для балансировки и задевая воду кончиками пальцев, — это мои крылья, а я — огромная птица, что вот-вот взлетит, — жидкая грязь пролезала между пальцами, а голени облепляли травинки. Там-то, на берегу большой канавы, и была Кармен. Я заметила ее издалека: она сидела верхом на толстой ветке дерева, опустив ноги в воду, как будто это ее извечное место. От ног рос силуэт еще одной девочки, точно такой же, но водной, и обе они улыбались улыбкой Чеширского кота из «Алисы в Стране чудес». Как только я подошла, девочка в воде исчезла, раздробившись на части, а та, что сидела на ветке, спрыгнула вниз. Она была выше меня. На ней

были заляпанные грязью шорты и полосатая футболка, которая когда-то принадлежала мне, а ей была явно коротковата.

— Айда к моей бабушке, попросим накормить нас завтраком! — произнесла она ровно так, будто обращалась к своей старой подруге, и пошла прочь по воде, точно принцесса какая-нибудь, разрезая пространство тонкими руками-лезвиями.

Ее доверчивость соединила меня с ней невидимой нитью, и я пошла следом, ни о чем не спрашивая.

— Теперь я живу здесь, — объявила она, когда мы проходили по мостику, ведущему к дому доньи Анхелы.

Донья Анхела была матерью наших соседей по острову и бабушкой Кармен. Вместе с четырьмя из своих восьми детей она жила в небольшом домике по ту сторону ручья, который отделял наш участок от соседского. Там я еще ни разу не была и вот теперь шла вслед за своей новой подругой по подвесному мостику, не отрывая взгляда от пляшущей по ее спине черной косы длиной ниже пояса.

— Я и мой брат будем жить у бабушки, — повторила она, обернувшись. Перехлест косы. — Ой, «я» — последняя буква в алфавите. Я хотела сказать: мой брат и я.

— С папой и с мамой?

Она провела по воздуху рукой, словно ее родители были чем-то таким, что можно стереть одним легким движением. Позже от своего папы я узнала, что мать Кармен уже давно оставила семью, убежав из дома с каким-то моряком из портового города Комодоро-Ривадавия, а отец ее работает на верфи в Эль-Тигре и детьми заниматься не может. Донья Анхела была на причале. Вода полностью покрывала и дощатый настил, и обшарпанные поручни со скамейкой. Все свое детство, выходные за выходными, я могла наблюдать одно и то же: донью Анхелу, сидящую на причале.

Неподвижная, огромная, во всем черном и с растрепанными белыми волосами, нимбом стоявшими вокруг ее головы, она с раннего утра наблюдала, как река катит свои воды мимо нее. Заметив нас, она медленно пошла нам навстречу, едва приподняв подол юбки, которая распласталась по поверхности и норовила прилипнуть к ногам. В знак приветствия она наклонилась меня поцеловать. Тонюсенькая серебряная цепочка так и осталась пленницей в ложбинке между ее невообразимых размеров грудями. Зрелище это меня заворожило: нечто такое белое и мягкое, так не похожее на костистое декольте моей мамы, нечто почти неподвижное, куда мне так захотелось погрузиться, забыться в сладкой неге.

— Ну, пошли, я вам пышек напеку, — сказала донья Анхела, и мы отправились вслед за ней, как выводок цыплят.

Дом наших соседей по острову был не чем иным, как скособоченной деревянной коробкой, не опирающейся на сваи. Мой отец не раз говорил, что надо бы помочь им построить что-нибудь покрепче, но каждый год по самым разным причинам этот план откладывался до лучших времен. И вот теперь мне в первый раз представился случай понять, почему мои родители заводят эти разговоры каждый раз, когда вода в реке поднимается.

В то утро кухня доньи Анхелы являла собой затопленное помещение, едва освещенное солнечными лучами, пробивавшимися сквозь старую тряпку, которой было завешено небольшое окошко. Над носиком кипевшего на железной плите чайника поднимался столб пара, и в тиши дома эхом разносился металлический стук подпрыгивавшей на нем крышки. Вдруг откуда-то послышался раздраженный мужской голос.

— Да выключите же кто-нибудь этот чайник! —

потребовал он.

Чье-то лицо выглянуло с лестничной площадки, балконом нависавшей над кухней. Глаза сфокусировались на мне. А вот мне разглядеть его во всех деталях не удалось — пробивавшегося сквозь занавешенное окошко света хватило лишь на то, чтобы высветить один глаз: мрачный и усталый.

— Мама, — продолжил он свои требования, повышая голос.

Горячая ладошка Кармен легла поверх моей руки.

— Да я только пышек девочкам напеку, Ковбой, — сказала в ответ донья Анхела, и лицо скрылось в темноте, словно по мановению волшебной палочки.

— Мука вся выйдет, — донесся до нас голос Ковбоя.

— Малыш сегодня к вечеру сходит в магазин, — ответила донья Анхела и откинула с окошка занавеску.

Солнечный свет выхватил из темноты две тощие ноги: они свешивались с лестничной площадки, пальцы на них то расходились веером, то сходились, образуя вокруг себя облачка пыли, зависавшие в воздухе. Я посмотрела наверх. И прямо над головой, как призрак, мне в первый раз предстало лицо Марито: блестящая кожа, черные как уголь глаза, нос, пухлые смешливые губы и маленький шрам, который, как я позже узнала, был оставлен нутрией, укусившей его за верхнюю губу.

— Пеструшка снесла яйцо прямо на балке, — произнес он и спрыгнул вниз, прямо ко мне, держа в протянутой руке белое гладкое яйцо.

— Ты нас всех забрызгал! — сердито закричала Кармен.

— А то вы совсем сухие были, — послышалось в ответ.

Мы с Кармен невольно посмотрели вниз — вода поднималась нам выше колен — и разом расхохотались. Кармен все еще держала меня за руку, но тут повернулась ко мне лицом, и вот так, глядя друг на друга, мы стояли и хохотали, как будто то, что сказал

Марито, было самой смешной шуткой на свете, как будто во всем мире не существовало ничего, кроме нашего желания смеяться.

С того утра высокой воды прошли уже многие годы, когда гадалка сказала мне, что тот раз не был первой встречей, при которой брат с сестрой и я оказались в этом мире рядом. Наши души, сказала она, были уже знакомы и вернулись в эту жизнь, чтобы разделить мечту.

В один из понедельников той самой осени домой вернулась Мабель, мама Кармен и Марито. Появилась она без моряка, зато с грудным младенцем, которого произвела на свет на прошлое Рождество. Но познакомиться с ней мне так и не удалось, потому что к вечеру пятницы, когда я приехала на остров, она уже успела укатить в Комодоро-Ривадавия. Всем и каждому она объявила, что приехала повидать своих деток, правда, ей никто не поверил. А уезжая, будто бы забыв, она оставила своего грудничка. По крайней мере, именно такие пояснения давала Кармен. Сама она решила, что заботу о братишке возьмет на себя, и теперь повсюду, куда бы мы ни отправились, таскала ребенка с собой в самодельной треугольной сумке, которую донья Анхела соорудила из своего старого платья.

— Мы могли бы назвать его Маугли, — вырвалось у меня, как только я увидела малыша.

За пару дней до этого я как раз закончила читать «Книгу джунглей», и этот малыш с черными и жесткими как щетка волосенками и миндалевидными глазами живо напомнил мне картинку из прочитанной книжки.

— Его зовут Лусио, — заявила Кармен, и по выражению ее лица я поняла, что мое предложение ей ни чуточки не понравилось.

А вот играть в волчью стаю ей как раз понравилось, и несколько выходных подряд мы отправлялись в самый глухой угол сада, устраивали там себе что-то вроде логова, устланного сухими листьями, укладывали Лусио на его матерчатой переноске и описывали круги вокруг, передвигаясь на четвереньках, завывая и вылизывая его

личико языками. И сами ложились на землю, защищая его своими телами, как Шер-Хан. Лусио дрыгал ручками и ножками и время от времени взвизгивал, как будто был чрезвычайно доволен нашей игрой. Однажды под вечер к нам подключился Марито: он стал вожаком стаи, и мы с ним вдвоем отправились на охоту в окрестностях логова, оставив в нем маму-Кармен с малышом.

В феврале мы с Кармен начали строить себе домик на ветвях дерева, что росло посреди острова. Однажды в воскресенье мы решили закончить строительство и заселиться — перенести туда нашу нехитрую посуду и коробку с книгами. Ковбой строго-настрого запретил нам брать Лусио в лодку, поэтому мы оставили его на причале в дощатом коробе, который сколотил Марито, а мы с Кармен положили туда матрасик. Уже темнело и все сидели по домам, кроме Марито — с пустынного причала ниже по течению он ловил рыбу. Из нашего домика на дереве причал доньи Анхелы был очень хорошо виден. Мы рассудили так: если Лусио заплачет, мы сразу же прибежим. И, пребывая в полной уверенности, что никакая опасность ему не грозит, мы переправились на остров — он был как раз напротив — и занялись постройкой нашего домика.

Позже, когда мы вспоминали события того дня и восстанавливали их для себя, ни у одной из нас не возникло и тени сомнения в том, что мы не выпускали из поля зрения Лусио больше чем на пять минут. У каждой из нас было по молотку и коробке с гвоздями. И мы приколачивали к ветвям ивы доски ровно с той концентрацией внимания, которая необходима, чтобы не попасть молотком себе по пальцу, но уж в интервалах между забитыми гвоздями мы точно поглядывали в сторону причала и видели над краем короба маленькие пятючки, когда малыш сучил ножками в воздухе. Время от времени до нас долетало

его безмятежное воркование — малыш Лусио бесконечно радовался жизни и почти никогда не плакал.

То, что вода поднялась, мы осознали в тот момент, когда было уже поздно. Как если бы река задумала подняться и залить землю — внезапно и в полнейшем молчании, предательски, во что бы то ни стало вознамерившись забрать у нас Лусио. Кармен первой поняла, что случилось, и закричала. Я отвела взгляд от деревяшки, справиться с которой мне никак не удавалось, и тут же осознала, что произошло. Думаю, что я тоже вскрикнула. Кармен была уже на земле и стремглав неслась к лодке. Короб исчез.

Потом папа рассказывал, что вышел на террасу, услышав мои крики, и что он видел, как я отвязываю концы, а Кармен, сидя в лодке, уже работает веслами, не дожидаясь, пока я залезу. Одна моя нога была на корме, но лодка вдруг резко дернулась и отошла от суши. Я закричала. Не знаю, что там из-под моих ступней ушло первым — земля или лодка, но я упала в воду с расставленными циркулем ногами и резкой болью в паху. Кармен бросила грести и на мгновение растерялась, не зная, что делать. Я вцепилась в борт лодки, потом забралась в нее, с меня потоками лилась вода. Стоя на причале, папа пытался узнать, что там у нас происходит. Кармен плакала, а я так дрожала, что не могла выговорить ни единого слова.

— Лусио, его унесла река, — удалось выговорить Кармен. Мимо нас лапками кверху проплыла птица.

Крик Марито слышался еле-еле, и сначала нам не удавалось определить, откуда он идет. Мы посмотрели в сторону заброшенного причала, где видели его в последний раз, но причал, уже довольно плохо различимый в сгущающихся сумерках, был пуст. Оглядев берега, мы увидели Марито выше по течению. Он стоял по пояс в воде и отчаянно размахивал руками,

стараясь привлечь к себе внимание.

Кармен уже снова гребла, направляя лодку к Марито, а я стояла на корме, широко, несмотря на боль, расставив ноги, чтобы лучше видеть, в надежде не пропустить плывущий по течению короб. Меня трясло крупной дрожью, а прилипшая к телу одежда, по моим ощущениям, превратилась в корку льда. В первый раз за свою жизнь я испытала отвращение к реке. Она и вправду казалась совсем другой: со стремнинами, водоворотами и явной готовностью поглотить человека целиком — так, что и следа не останется.

Подплыв к Марито, мы увидели, что он рукой показывает на противоположный берег, а там, застряв в камышах, медленно поворачивается вокруг своей оси короб, и он в данную секунду, почти освободившись из своего плена, вот-вот снова поплывет по течению. Оттуда, где мы находились, нам было не видно, в коробе Лусио или уже нет.

Кармен показала рукой на короб и изо всех сил заработала веслами. Но короб двигался быстрее. Над водой уже виднелась только одна досочка — короб тонул. Марито бежал по берегу реки, однако теперь бросился в воду и поплыл. Тут я увидела ножку. Она едва показалась над краем, но от этого движения короб тут же наклонился, и на мгновение мне показалось, что он сейчас перевернется, что на наших глазах Лусио упадет и река его проглотит. Я прыгнула в воду.

Только намного позже, после папиных объяснений, я поняла, что, доплыви я до короба, мне было бы очень трудно держаться на поверхности самой и одновременно что-то толкать, но тогда я об этом не думала. Я всего лишь старалась добраться до Лусио.

Когда до короба оставалось всего несколько гребков, я услышала команду Марито.

— Плыви к тростникам, — крикнул он. — Лусио заберу я.

В его голосе прозвучала сила, которая заставила меня повиноваться.

Глинистое дно под своими ступнями я ощутила вместе со смертельной усталостью, превратившей мои руки и ноги в неподвижный балласт. Я вцепилась в стволы тростника. Всего в нескольких метрах ниже по течению встал на дно Марито, поднимая над собой зашедшегося плачем Лусио. Потом прижал его крепче к груди и пошел к берегу.

По центру канала к нам в шлюпке спешил мой папа, а Кармен, сложив весла в лодку, уже выпрыгивала на берег с концами в руках.

Ниже по реке всё еще можно было разглядеть край короба, всё дальше и дальше, а еще через какое-то мгновение — уже ничего.

Из четырех сыновей доньи Анхелы, живших вместе с ней, я знала только двоих: Ковбоя, самого старшего, и Малыша, самого младшего. Другие двое по выходным всегда работали, занимаясь каким-то мелким бизнесом, и вообще к тому времени уже успели переехать в Корриентес.

Мужа доньи Анхелы звали Катуло, и он был уроженцем провинции Сантьяго-дель-Эстеро. Семью он оставил уже давно — когда дети были еще маленькими. Сама донья Анхела говорила, что муж ее так и не смог привыкнуть к воде и что во время большой воды 1937 года он уехал обратно в Сантьяго, не сказав ей ни слова, как будто это она была виновата в наводнении. Позже он стал присылать жене немногословные открытки — каждые два-три месяца, потом всё реже и реже, пока дело не дошло до одной, к началу Карнавала.

— Пишет из чистого занудства, вот и всё, — говорила она.

Год спустя после того как Кармен и Марито стали жить у бабушки, дедушка Катуло приехал с визитом. Это было великое событие, стать свидетелем которого мне не довелось, потому что случилось оно как раз на зимние каникулы, а я проводила их в детском лагере в горах, в Сьерра-де-ла-Вентана. Но когда я вернулась, Кармен мне рассказала обо всем, со всеми деталями.

Дедушка оказался не слишком разговорчивым, он даже и поздоровался-то не со всеми, но зато привез вкусные засахаренные орешки и пластинку с самбами провинции Сантьяго. Моя мама переписала нам музыку на кассету, чтобы мы могли ее слушать с магнитофона, который мы обычно брали с собой на выходные. Донья

Анхела заявила, что этот подарок — настоящее издевательство, потому что дед прекрасно знает, что проигрывателя у нее нет. Кармен рассказывала мне, что слышала их споры на эту тему три дня подряд после его приезда и что дед говорил, что никак не мог знать, что за все эти годы они так и не купили проигрыватель. Бабушка же в ответ на это умолкала, а потом с новыми силами принималась за свое: он прекрасно знает, что на острове нет электричества, и с какой стати ей бы пришлось в голову покупать проигрыватель, если в доме нет электричества. А еще Кармен сказала, что ее бабушка и дедушка целыми днями сидели в плетеных креслах позади дома, глядя на задний двор.

— Он не хочет видеть реку, потому что винит ее в своем одиночестве, — объяснила донья Анхела после того, как дед уехал.

И посмеивалась про себя, удивляясь, какие же всё-таки люди разные, потому как лично для нее река — самая лучшая компания.

— Вода в реке — она ведь течет и течет, она всегда в движении, так что всё кажется неважным, — говорила она.

И стоило только понаблюдать за ней — как она часами сидит на причале с потерянным взглядом и сложенными на коленях руками, чтобы ее словам поверить.

Думаю, детям бы очень хотелось, чтобы дед остался. «У него серые глаза, — сказал Марито, — и очень морщинистые руки. И он играет на кахоне». Марито просто влюбился в этот музыкальный инструмент. Той зимой он садился верхом на любой пень и выбивал на нем дробь, расставив ноги и раскачиваясь, как будто ему и вправду удавалось извлекать из пня звуки. Спустя несколько лет Марито вернулся из поездки в Сантьяго с самым настоящим кахоном, полученным там в подарок, и больше уже с ним не расставался, таская

с собой повсюду. В те две недели, что дедушка Катуло провел на острове, донья Анхела позволяла себе и пиво, и вино, а еще дети слышали, как она хохочет по ночам, когда, по ее мнению, все спят.

Когда я увидела ее после каникул, она сильно изменилась. Эта женщина, обычно такая молчунья, вдруг сделалась разговорчивой, и глаза ее то и дело вспыхивали внутренним светом, как будто она думала о чем-то прекрасном. Ей вдруг пришло в голову засадить геранью старые консервные банки, и она даже попросила у моей мамы отросток азалии, чтобы, как она сказала, попробовать приукрасить свой сад.

Но время шло, и понемногу она снова погружалась в молчание. Через несколько месяцев она совсем умолкла и вновь усаживалась на причале смотреть, как катит свои воды река.

Папа сказал, что донья Анхела страдает «недугом ивы». Когда я стала взрослой, мне однажды объяснили, что так принято называть ту самую инертность, которая характерна для островитян: это она не дает им ни работать, ни довести до конца начатое дело, а причиной ее является их привычка бесконечно смотреть на текущую воду. Но у меня все совсем не так. Река для меня всегда была моим домом, домом Марито, моим местом в мире. Недуг ивы для меня — это недуг любви.